

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «СМЕХ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Анна САВЧУК, студентка, филологический факультет,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
Научный руководитель: **Елена СИРОТА**, доктор, конференциар

Rezumat: *Relevanța studiului este determinată prin faptul că studiul a fost realizat în cadrul paradigmei științifice moderne – lingvistica cognitivă. Limbajul este considerat ca o cheie în cunoașterea entităților mentale studiate, deoarece funcționează ca un sistem cognitiv. În studiul dat are loc încercarea de a stabili corelația între informațiile conceptuale despre structura mentală a „râsului” și de a o descrie din diferite unghiuri, ceea ce permite o nouă viziune asupra fragmentului studiat al imaginii lingvistice a lumii, asupra evoluției și dinamicii sale. Se analizează problema corelației între tipurile diferite de structuri mentale și se creează câmpul semantic „râsul” în limba rusă.*

Cuvinte-cheie: *imagine lingvistică a lumii, structură mentală, câmp semantic, nucleu și periferie a câmpului, câmpul semantic „râsul”, conexiuni între câmpuri.*

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики, в центре внимания которой язык, выступающий в качестве когнитивного инструмента, то есть системы знаков, которые играют важное значение в представлении и трансформации информации [8, с. 53].

Одним из важнейших понятий когнитивистики, которое отражает особенности взаимодействия индивида с окружающей действительностью, является картина мира (КМ). КМ была предметом исследования таких лингвистов, как: А. Вежицкая, Н. Арутюнова, Ю.Н. Караулова, Е. С. Кубрякова, В.Н. Телия. В работах данных лингвистов поднимаются разнообразные аспекты проблемы: дефиниция термина, поиск наиболее удачного термина, специфика понятия КМ. Общеизвестно, что понятие КМ является отражением идей В. фон Гумбольдта о языковом мировидении каждого этноса. Именно это мировидение, по мнению лингвиста, будучи специфичным для каждого языка, выступают как КМ.

Современными лингвистами КМ понимается как совокупность знаний и представлений человека об окружающей его действительности. КМ является «базисным компонентом мировидения человека, способствует взаимосвязи знания и поведения членов социума» [8, с. 25]. Хотя в КМ отражаются представления человека об окружающей действительности, «КМ – это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация» [8, с. 29]. Некоторые исследователи (Т. В. Цивьян, Ю. Н. Караулов) в качестве синонимичного используют термин «модель мира». При этом содержание понятия, выраженного другим термином, остается неизменным: под моделью мира понимается отображение суммы знаний о мире, представленное в сокращении и упрощении. [23, с. 5]. В настоящем исследовании выбирается именно термин «картина мира» в силу его полноты, глубины и большей распространенности. Лингвисты рассматривают свойства и функции КМ. Так, В. И. Постовалова

выделяет следующие атрибутивные характеристики КМ: 1) КМ имеет свойство «космологической ориентированности, так как содержит характеристики, присущие только человеку в процессе познания мира»; 2) при развертывании своего содержания КМ опирается «на ценностный принцип, выступающий как основной в иерархизации референтов.»; 3) КМ «*подобна айсбергу: одна часть ее скрывается в глубинах подсознания, пронизывая собой все акты человеческой жизнедеятельности, а другая коренится в сознании*»; 4) КМ обладает внутренней безусловной достоверностью для ее носителя, выступая в качестве «смыслового двойника мира»; 5) совмещает в себе свойства и стабильности, и динамичности, изменчивости.

В связи с регулятивной функцией КМ стоит обратить внимание на то, что в ней есть элементы общности, обеспечивающие взаимопонимание людей, «*в противном случае общение между людьми было бы вообще невозможно, поскольку общение основывается на наличии у говорящих каких-то элементов единого понимания, единого взгляда на вещи*» [22, с. 87]. При изучении проблемы отражения КМ в человеческом языке, по мнению Б. А. Серебренникова, нужно исходить из следующей триады: окружающая действительность (реальный мир), отражение этой действительности в мозгу человека (концептуальная/понятийная/культурная картина мира) и выражение результатов этого отражения в языке (языковая КМ) [22, с. 87].

В когнитивных исследованиях выделяют концептуальную (ККМ) и языковую (ЯКМ) картины мира. Р. И. Павиленис достаточно полно и аргументированно раскрывает содержание понятия ККМ. Под концептуальной системой (ККМ) ученый понимает систему мнений и знаний носителя языка о мире, «отражающих его познавательный опыт на доязыковом и на языковом этапах и уровнях», не сводимый к какой бы то ни было лингвистической сущности. Система информации и представлений о мире и есть конструируемая человеком концептуальная система. Р. И. Павиленис размышляет о существенной роли языка в формировании концептуальной системы: «*Естественный язык хотя и характеризуется определенной синтаксической системой, которая выявляется посредством различных формализмов, но не представляет собой определенной концептуальной системы, а выступает как средство их построения и символического представления*». Иначе говоря, исследователь рассматривает язык как часть концептуальной системы и считает его средством построения и символической репрезентации информации, содержащейся в ККМ.

Исследователь считает, что символическое фиксирование концептов в языке способствует манипуляции как вербальными символами, так и концептами, появляются новые концепты, содержащие информацию, которая включаются в систему концептов с помощью языка. Как видим, Р. И. Павиленис затрагивает важную проблему – соотношении ККМ с ЯКМ. Лингвисты утверждают, ЯКМ – это одна из форм представления ККМ. Концептуальная картина мира – это система знаний о мире, отражающая познавательный опыт человека, не сводимый к какой бы то ни было лингвистической сущности. В отличие от ККМ, языковая картина мира – это «отображенное в сознании инди-

вида вторичное бытие объектов мира, закрепленное в своеобразной форме», а именно в языке, в лингвистическом материале. Можно согласиться с Б. А. Себребренниковым, который считает, что ККМ шире и богаче ЯКМ, «так как в её создании принимают участие различные типы мышления», в том числе и невербальные. В создании же ЯКМ участвуют только вербальные/словесные [21, с. 107]. Такого же мнения придерживается и Е. С. Кубрякова. Она утверждает, что ККМ – то, каким человек себе рисует мир в своем воображении, – феномен более сложный, чем ЯКМ, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и переломлена через языковые формы. Основу концептуальной системы создает вся чувственная, вся предметно-познавательная деятельность человека, поэтому рефлексы этой деятельности в мозгу человека носят, на наш взгляд, достаточно разнообразный характер, во всяком случае, не только вербальный [7, с. 142]. Главным, с точки зрения содержания, компонентом ЯКМ, согласно Ю.Н. Караулову, выступает семантическое поле [7, с. 139]. «Тем не менее, стремясь разграничить понятия ККМ и ЯКМ, исследователи отмечают их соприкосновения и взаимодействия» [7, с. 144].

Сопоставляя ЯКМ и научную КМ, О.А. Корнилов: во-первых, для ЯКМ характерна субъектность; во-вторых, ЯКМ отображает миропонимание народа на этапе формирования языка; в-третьих, ЯКМ и научная картина мира, существуя параллельно, сохраняют дифференциацию, так как являются конструктами видов сознания разных обществ и обладают разными функциями; в-четвертых, на ЯКМ влияют повседневная жизнь, в которой появляющиеся объекты требуют номинации и включения в ЯКМ [6, с. 15-21].

Исследователи рассматривают языковые средства, с помощью которых создается ЯКМ. В формировании ЯКМ принимают участие: номинативные средства языка:

- 1) лексемы, фразеологизмы, которые фиксируют как классификацию объектов реальности этноса, так и лакунарность разных типов;
- 2) функциональные средства для: лексики и фразеологии, предназначенные для коммуникации, коммуникативно релевантные средства одного этноса;
- 3) образные средства языка: метафорика, развитие транспозитивных значений слов, первичная мотивированность единиц языка;
- 4) «фоносемантика языка» [19, с. 64].

Стоит отметить, что привязанность ЯКМ к особенностям того или иного этноса дает основание для использования термина национальная языковая картина мира (НЯКМ). НЯКМ – это запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово «видение» вкладываются понятия и логическое осмысление, и чувствование, и оценивание, а в понятие сущего – не только реальный, материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием. Выделяемая лингвистами индивидуальная картина мира, наоборот, является продуктом сознания одного человека. Индивидуальная КМ, как отмечает В.И. Постовалова, «являет собой единство «личного» и «народного». Картины мира у людей соизмеримы, потому что они имеют общее ядро, которое «народно» величинами [20, с. 28].

Она основывается на НЯКМ, является только ее частью, поскольку данные любой индивидуальной КМ уже преломлены через коллективные сведения о мире, уже «пропущены» через язык [9, с. 10]. Особое место среди индивидуальных картин мира занимает художественная картина мира, запечатленная в произведениях литературы. С одной стороны, она входит в систему общей картины мира и формируется в социокультурном контексте, а с другой, является уникальным представлением, мыслимым, с эстетических позиций, как единственно возможное ощущение и видение мира. *«Наряду с термином «художественная картина мира», широко используются другие термины в том же значении: индивидуальный стиль автора, индивидуальная модель мира, поэтическая картина мира, идиолект, идиостиль».* Итак, понятие «картина мира» понимается как единство концептуальной и языковой картины мира, соотносящихся друг с другом иерархически. ККМ – это совокупность всех знаний человека, которая приобретает им и вербально, и невербально. ЯКМ является составной частью ККМ и дополняет ее содержание средствами языка. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, языковую картину мира мы определяем, как совокупность отображающих в языковых единицах знаний и представлений этноса об объективной реальности на одном из этапов его развития. ЯКМ – это представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире [19, с. 54].

Проблема классификации ментальных структур является одной из первых проблем когнитивной лингвистики. Лингвисты предпринимали попытки построить типологии ментальных структур, опираясь на различные критерии: способ языкового выражения и вербальной репрезентации концепта: лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические репрезентируемые; характер объективированности: явные/ скрытые; принадлежность группам носителей: универсальные, национальные, групповые, гендерные; структура: одноуровневые/ многоуровневые; содержание и степень абстракции: схема, понятие, прототип, фрейм, сценарий, инсайт, гештальт, тематическая соотнесенность.

Предметом дискуссии остаются следующие вопросы: количество и содержательный объем ментальных структур, соотнесение концепта с другими понятиями. Дадим краткую характеристику ментальных структур, выделяемых исследователями. Фрейм, по М. Минскому, представляет собой структуру данных для репрезентации стереотипной ситуации [15, с. 7]. С целью описания динамических фреймов ученые предложили «скрипт» или «сценарий». Дж. Лакоффа отмечает, что понимание гештальта соотносится с внутренней формой языковых выражений, представленной имплицитно. Гештальт трактуется как концептуальная структура, образ, совмещающая чувственные и рациональные компоненты в их неразрывном единстве, не структурированное знание [3, с. 38]

Системная обусловленность – неотъемлемый атрибут любого знака, языкового особенно. *«Системность лексики находит яркое проявление в закономерных, регулярных, повторяющихся отношениях ее единиц. Одно из убедительных свидетельств тому – плодотворная попытка интерпретировать*

лексику с точки зрения теории семантического поля) (далее – СП) [1, с. 4]. Семантическое поле представляет интерес для лингвистов, во-первых, потому что является объектом описания лексической системы русского языка, а во-вторых, основной формой репрезентации ментальных явлений. Реконструкция ментальной структуры – это в сущности моделирование СП имени-номинанта этой ментальной структуры. В лингвистике теория СП является достаточно разработанной. Однако проблема функциональной организации СП – это сложная и пока не решенная проблема. В связи с этим, в лингвистике существует множество определений СП. Остановимся на определении, предложенном Л. А. Новиковым: «семантическое поле – это иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу». Моделируя СП, определяя его связи с другими семантическими полями, мы можем реконструировать картину мира людей. Мысль о том, что СП отражает ЯКМ, прослеживается в трудах многих учёных (А. А. Уфимцева, Ю. Н. Караулов, Л. А. Новиков, И. М. Кобозева и др.). Ю. Н. Караулов отмечает, что «элементами или единицами языковой модели мира являются поля», СП выступает как характеристика «индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность» и как характеристика самой действительности [5, с. 176]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» также говорится о том, что СП характеризует среднего носителя языка и отражает усредненную ЯКМ: СП отличается «непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка» [14, с. 380]. Особенности состава лексико-семантических полей исследователи (Ю. Н. Караулов, В. В. Левицкий, Л. А. Новиков, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) видят в том, что они более обширны и разнообразны по составу, чем, например, тематические и лексико-семантические группы. Понятийное основание лексико-семантического поля позволяет включать в его состав номинации, имеющие разное лексико-грамматическое оформление в языке. Поэтому семантическое поле может формироваться из слов как одной, так и нескольких частей речи. Но главное отличие лексико-семантического поля (суперпарадигмы) от других лексических группировок (парадигм) обнаруживается в характере связи единиц этих парадигм. В. В. Левицкий отмечает, что «элементы семантического поля объединены, прежде всего, общностью внеязыковых связей и отношений» [12, с. 69], элементы лексических парадигм (лексико-семантических группировок слов, синонимических и антонимических рядов) связаны, прежде всего, внутриязыковыми отношениями на базе определенного семантического компонента лексического значения. Остановимся подробнее на особенностях организации СП и способах связи единиц в нём. Единицей СП является чаще лексико-семантический вариант (ЛСВ) многозначной лексики. Обратимся к модели СП, разработанной Ю. Н. Карауловым. Ученый отмечает, что СП формируется словами, находящимися в следующих оппозициях: 1) нулевая (лоб – чело, покой – спокойствие); 2) привативная (семема одного слова полностью включается в семему другого: птица – ворона); 3) эквиопо-

лентная (в каждой семеме имеются одинаковые семы, но может быть сколько угодно разных: мысль – думать). Дизъюнктивная оппозиция между словами, при которой сопоставляемые семемы не имеют общих сем (слон – гвоздь), не включается в СП. Лексико-семантическое поле имеет слово-номинант (имя поля), ядро и периферию. Слово-номинант или имя поля – это лексема, обладающая способностью притягивать к себе большое число лексем.

Дополним данный список требований к выбору имени поля критериями, предлагаемыми А. М. Кузнецовым. Имя поля, по мнению ученого, лексемы, помещаемые в центр СП, обладают следующими признаками: 1) в центре поля они достаточно просты по морфологическому составу; 2) имеют достаточно широкую сочетаемость; 3) обладают психологической важностью; 4) не являются недавними заимствованиями; 5) семема такой лексемы обладает большим числом признаков [10, с. 77]. Ядром признаются лексемы в прямом значении, наиболее частотные, семантически содержательные, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений, в минимальной степени зависящие от контекста [5, с. 65]. Другими критериями принадлежности единицы поля к ядру являются его многозначность и способность становиться доминантой синонимического ряда. А. В. Моргун отмечает, что ядро обладает высокой словообразовательной активностью. Она писала, что, чем больше производных слов имеет та или иная единица, тем больше оснований отнести ее к ядру поля. [16] Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно. В структуре СП можно выделить центр поля. Если ядро – «лексическая единица или несколько единиц, семантически наиболее простых и содержащих общее значение СП, то центр поля – это *«ряд «обволакивающих» ядро «слов» – специализированных классов единиц с семантически более сложными значениями»* [17]. На периферии поля находятся лексемы, семемы которых пересекаются с ядерными словами по отдельным семам, малочастотные, стилистически окрашенные слова. Некоторые исследователи выделяют ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию, в зону которых попадают лексемы.

При построении СП нужно учитывать, что граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является нечёткой. Через периферию поля может быть установлена связь разных полей. Конституенты периферии одного поля могут принадлежать к периферии другого или к ядру, и наоборот. Отдельная языковая единица может иметь несколько значений и, следовательно, может быть отнесена к разным семантическим полям. В этом заключается мощный потенциал взаимодействия с другими полями, осуществляющийся по законам межполевых семантических связей [24, с. 7]. Возможность пересечения полей, приводящая к образованию «общих зон семантического перехода» – важная характеристика поля. Таким образом, словарный состав языка представляет собой систему перекрещивающихся семантических полей. Итак, с одной стороны, СП является одной из макропарадигм лексической системы языка и одновременно инструментом моделирования фрагмента этой системы. С другой стороны, СП являются основной формой

репрезентации ментальных структур в ЯКМ. Моделирование и анализ семантического поля показывают, как представлены те или иные понятия в языковой системе в соответствии с мировоззрением людей. Другими словами, СП выступает в роли инструмента описания ментальных структур. В настоящей работе СП является инструментом анализа ментальной структуры «Смех» в ЯКМ русского социума. Моделирование данной макропарадигмы производится методами компонентного, контекстного анализа.

Семантическое поле «Смех» не раз становилось объектом специального исследования отечественных лингвистов. Оно изучалось как одна из макропарадигм лексической системы языка (Ротова, 1984) или как основа дальнейшего когнитивного исследования (Кузнецов, 2005; Дубровская, 2012; Габриелян, 2015; Габриелян, 2016). Исследование семантического поля «Смех» проводилось на материале русского [Ротова, 1984; Кузнецов, 2005], английского (Габриелян, 2016) и немецкого языков (Дубровская, 2012). Так, например, исследование М.С. Ротовой носит лексико-семантический характер и лежит в области моделирования макропарадигм русского словаря: семантических полей смеха и плача. Однако в состав полей исследователь включает только глаголы и глагольные фразеологизмы (например, усмехаться, ухмыляться, прыскать, хихикать, смеяться, хохотать и т.д.), что говорит, на наш взгляд, о неоправданно узком понимании М.С. Ротовой термина «семантическое поле». Вслед за Ю. Н. Карауловым, В. В. Левицким, Л. А. Новиковым, З. Д. Поповой, И. А. Стерниным, мы считаем, что семантические поля более обширны и разнообразны по составу, чем, например, лексико-семантические и тематические группы, и формируются из разных грамматических классов слов. Построенные М.С. Ротовой парадигмы по сути представляют собой лексико-семантические группы, а не поля. Пользуясь комбинаторной методикой Т.П. Ломтева [13], М.С. Ротова проводит последовательное разбиение каждого множества на подмножества. Исследования Ю. А. Кузнецова [11] и А. А. Габриелян [4] выполнены в когнитивном ключе. В их работах, как и в нашем исследовании, СП является и объектом описания лексической системы языка, и инструментом изучения ЯКМ. Моделируя СП «Смех» в русском языке, Ю. А. Кузнецов выделяет в его структуре 35 лексико-семантических групп [11]. Нами уточняются количество и названия выделенных Ю.А. Кузнецовым ЛСГ (в том числе количество ядерных единиц), в поле добавляется ЛСГ слов категории состояния. Мы придерживаемся следующего понимания данного термина: ЛСГ является своеобразным микрополем СП и представлена (в отличие от него) лексемами одной части речи, имеющими общую архисему более конкретного содержания и более частного порядка, чем архисема всего СП [2, с. 27-29]. Семантическое поле, представленное в нашей работе, отличается от построенных предшественниками полей тем, что, кроме лексического и фразеологического материала, включает элементы грамматической информации: определяется тип поля (смешанное: процессуальное и предметное), рассматриваются основные синтаксические конструкции, с помощью которых передаётся ситуация смеха. Таким образом, поле уже структурировано с прицелом

на моделирование сценария смеха, в котором мы выделяем: субъект, объект, причину смеха и т.д.

Ядро СП формируют слова стилистически немаркированные, характеризующиеся частотностью, семантической простотой и обладающим свободным лексическим значением. В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова (БТС) и Малом Академическом словаре под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) находим одинаковое толкование слову смех: 1) характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдохательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п.; 2) веселье, шутки или насмешки, ирония. Анализ дефиниций данного слова в толковых словарях русского языка позволяет выделить ядерные семантические признаки, интегральные семы: сема 'звук', 'движения лица', 'эмоциональное состояние' («веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства»), 'причинность', которые будут служить основой для объединения других компонентов поля. В ядро СП «Смех» составляют лексико-семантический вариант 1 (ЛСВ-1) значения слова смех (по данным разных ТС) как наиболее частотный, стилистический нейтральный, наиболее полно передающий идею смеха. ЛСВ возникает в ТСУ «в результате метонимического переноса»). ЛСВ-2 лексемы смех (по данным МАС, БТС) включим в центральную зону СП. Ядро СП входят также ЛСВ-1 и ЛСВ-2 слова «смешной»: 1) вызывающий смех: смешной анекдот; 2) достойный насмешки: смешной наряд (по данным ТСОШ). Ядро формирует и наречие «смешно». ТСУ приводит следующую словарную статью: Смешно 1. Нареч. к смешной. Смешно рассказывать. Смешно жестикулировать. 2. безл., в знач. сказуемого, кому-чему и с инф.. О желании смеяться, о позыве к смеху у кого-н. Рассмотрим семантическую структуру глагола смеяться. В исследуемых ТС лексема смеяться, как и смех, полисемантна, ей свойственны ЛСВ: 1) издавать смех; 2) над кем-чем. то же, что насмехаться; 3) перен., над кем-чем. пренебрегать кем-чем-нибудь, не знать страха перед кем-чем-нибудь; 4) перен. говорить в шутку, несерьезно. Такие же значения слову смеяться дает ТСУ, сопровождая их стилистическими пометами: 1) издавать смех; 2) над кем-чем и (устар.) кому-чему. насмехаться, издеваться; 3) над кем-чем и (устар.) кому-чему. пренебрегать кем-чем-н, не считаться с кем-чем-н., не уважать, не бояться кого-чего-н. (разг.); 4) перен. говорить на смех, несерьезно, шутить (разг.). Анализ словарных статей МАС и БТС не способствует расширению представлений о семантической структуре глагола: приведены 3 значения. Таким образом, ядро «Смех» составляет и глагол смеяться в основном значении. ЛСВ-3 и ЛСВ-4, являющиеся переносными и/или сопровождающиеся стилистическими пометами, включаем в ближайшую периферию. ЛСВ-2 глагола смеяться, образует центр поля (где представлены лексические единицы с семантически более сложными значениями) наряду с глаголом насмехаться. Помимо интегральных сем в семантике слова насмехаться появляется дифференциальная сема 'зло': насмехаться – «преследовать кого-нибудь, что-нибудь насмешками, издеваться, зло подшучивать над кем-нибудь или чем-нибудь» (ТСУ). В обоих словарях значение глагола

насмехаться объясняется через лексему издеваться. К ядру СП «Смех» можно отнести словообразовательные дериваты смеяться («издавать смех»), значение которых очень близко к семантике производящего глагола и отличается только наличием дифференциальной семы 'фаза действия': засмеяться («начать смеяться»), рассмеяться («начать сильно смеяться»), отсмеяться («закончить долгое действие смеха»).

Так как большинство членов ЛСГ, составляющих ядро рассматриваемого поля, различаются или по характеру звука (визгливый, дребезжащий, переливчатый), или по характеру мимики, или по характеру испытываемых субъектом чувств, ЛСП смеха имеет зоны пересечения с другими ЛСП русского языка, прежде всего, с ЛСП чувств и эмоций (смех, улыбка, усмешка, хохотать, хихикать), ЛСП звукообозначений (хохот, смех, хихиканье, ржанье, гоготать, хохотнуть) и ЛСП жестов {ухмылка, усмешка, улыбка, усмехаться, ухмыляться}. Ср. пересечение с ЛСП межличностных отношений {благодарный, принуждённый, лстыивый, угодливый, язвительный смех и др.}, с ЛСП физического состояния человека: здесь доминируют лексемы со значением болезненного состояния.

Кроме парадигматических и синтагматических отношений единиц, обеспечивающих их связь в составе ЛСП, а также зоны пресечения с другими ЛСП, необходимо учитывать деривационные связи, способствующие взаимодействию ЛСГ внутри ЛСП, а также взаимопересечение данного поля с другими ЛСП, например, это наглядно демонстрирует словообразовательное гнездо, состоящее из единиц интересующего нас поля с вершиной - ядерной единицей, именем поля: смех - смеяться - насмеяться - подсмеиваться - насмешка - усмешка - насмешник - пересмешник - смешной - смехотворный и др. Как нам представляется, в ядерную и околядерную зоны составляют лексемы активного словарного запаса. Это привычная и повседневная лексика, не имеющая оттенка новизны или устарелости. Ей свойственна высокая частотность и словообразовательная активность. Лексика пассивного словарного составляет периферийную часть поля. Это слова, которые постепенно устаревают или уже устарели (ассамблея - при Петре I: бал, увеселительный вечер; гаер, гаерничать, скоморох, скоморошничествовать и др.), или недавно появившиеся единицы, сохранившие оттенок «свежести» (смехопанорама, смехотерапия и др.), либо слова, употребляющиеся редко в повседневном общении и известные только части носителей языка (арлекинада, буффонада, юмореска и др.). По данным выборки из словаря СИ. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, количество слов, ЛСП смеха, включает 461 лексему. Сравнительный анализ текстов выявил, что состав лексики художественных текстов оказался значительно беднее выборки из словаря по количеству номинативных единиц, однако превосходит его по количеству словоформ. Благодаря словообразовательным вариантам (ср., например, примеры глаголов со значением начинательности, которых нет в словарном списке: загоготать, заржать, засмеяться, затрястись, заулыбаться, заусмехаться, захихикать, захохотать, захрюкать и т.п.) слов, относящихся к исследуемому лексико-семантическому полю и реально функционирующих

речи, значительно больше анализируемых единиц (Ср., например: захохотать, всхохотнуть, отхохотаться, похохатывать, прихохатывать; дохихикаться, захихикать, похихикивать, обхихикать, прихгаикивать и т.п.). Словообразовательный словарь русского языка А.Н. Тихонова словообразовательное гнездо слова смех насчитывает 107 единиц. Кроме того, если учитывать все синтагматические связи слов, которые входят в ЛСП смеха, то количество единиц, относящихся к данному полю, вырастет в геометрической прогрессии. Например, в Словаре эпитетов русского литературного языка К.С. Горбачевича (2001) приводится 197 прилагательных, характеризующих только одно слово смех в русском языке, не считая устаревших и 20 «прагматически неосвоенных» (по терминологии Г.Е. Крейдлина и Е.А. Чувилиной). Большое количество единиц языка, вербализующих поле смех, их частотность употребления в реальной коммуникации, способность к метафорическому употреблению - подтверждает актуальность языковой картины мира концепта «смех», который является именем исследуемого в данной работе ЛСП.

Библиография:

1. АБРАМОВ, В.П., *Семантические поля русского языка* / В. П. Абрамов, М.; Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. с.
2. АБРАМОВ, В.П., *Синтагматика семантического поля* (на материале русского языка) / отв. ред. Г. П. Немец; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992, 108 с.
3. БОЛДЫРЕВ, Н. Н. *Когнитивная семантика*, Тамбов, 2001, 123 с.
4. ГАБРИЕЛЯН, А. А. *Языковое выражение концептов "улыбка/смех" в английском языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М, 2016. – 24 с.
5. КАРАУЛОВ, Ю.Н. *Общая и русская идеография*, М., Наука, 1976, 356 с.
6. КОРНИЛОВ, О.А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, М., 2003, 349 с.
7. КУБРЯКОВА, В. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г., *Краткий словарь когнитивных терминов*, М., 1996, 245 с.
8. КУБРЯКОВА, Е. С. *В поисках сущности языка* // Вопросы когнитивной лингвистики, 2009. – № 1. – С. 5-12.
9. КУБРЯКОВА, Е.С. *Роль словообразования в формировании языковой картины мира* // Роль человеческого фактора в познании и языке: Язык и картина мира, М., 1988, С. 141-172.
10. КУЗНЕЦОВ, А. М. *Структурно-семантические параметры в лексике. На материале английского языка*, М., 1980, 160 с.
11. КУЗНЕЦОВ, Ю.А. *Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира*: автореф. дис. ... канд. филол. наук, СПб., 2005, 23 с.
12. ЛЕВИЦКИЙ, В.В. *Типы лексических микросем и критерии их различения* // Филол. науки, 1988, № 5, С. 54-70.
13. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В. Н. Ярцевой, М., 1990, 683 с.

14. ЛОМТЕВ, Т.П., *Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики. Термина родства в русском языке* // Филологические науки, 1964, № 2. – с. 120-124.
15. МИНСКИЙ, М., *Фреймы для представления знаний*, М., 1979, 152 с.
16. МОРГУН, А.В. *Зоонимы в системе русского словообразования: словообразовательная активность и типовая словообразовательная парадигма*: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Ужгород, 1998.
17. НОВИКОВ, Л.А. *Семантическое поле как текстовая структура* // *Теория поля в современном языкознании*: Материалы научно-теоретического семинара, Уфа, 1997.
18. ПАВИЛЕНИС, Р. И., *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка*, М., 1983, 286 с.
19. ПОПОВА, З.Д., СТЕРНИН, И.А., *Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку* // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И. А. Стернина.– М., 2007, с. 7-16.
20. ПОСТОВАЛОВА, В.И., *Картина мира в жизнедеятельности человека* // Роль Попова, З.Д., Стернин, И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 30 с. человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8-69.
21. РОТОВА, М.С., *Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1984.
22. СЕРЕБРЕННИКОВ, Б.А., *Как происходит отражение картины мира в языке?* // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира, М., 1988, с. 87-107.
23. ЦИВЬЯН, Т. В. *Модель мира и ее лингвистические основы*. – М., 2006. – 280 с.
24. ШВЕДОВА, Н.Ю. *Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем»* // Вопросы языкознания, 1999, № 1, С. 3-17.